

ДИСКУРС МУЗЕОЛОГИИ

Начиная с 1960-х гг. попытки критически рассмотреть теорию музеологии предпринимались неоднократно. Зачастую они были связаны с определением текущего статуса музеологии как академической дисциплины. Первой обстоятельной публикацией по теории музеологии, которая была чем-то большим, чем очередной учебник по музейной работе, стала опубликованная в 1968 г. книга Иржи Неуступного. Ее выход был приурочен к 150-летию со дня основания Национального музея в Праге и Моравского музея в Брно (Neustupný 1968). Начиная с 1976 г. ключевую роль в этих дискуссиях играл Международный комитет по музеологии при Международном совете музеев (ИКОМ) (Sofka 1992). Кроме того, следует отметить симпозиум по теории музеологии, организованный кафедрой музеологии Университета им. Т. Масарика (тогда – им. Я. Э. Пуркине) в Брно в марте 1965 г. (Stránský ed. 1966), две конференции по музеологии организованные Немецким национальным комитетом ИКОМ в 1971 и 1988 гг. (Dyroff ed. 1973 и Auer ed. 1989), а так же конференцию, организованную совместно бывшим Музеем немецкой истории (Берлин) и Государственным историческим музеем (Москва) в мае 1988 г. (Grampp et al. 1988). Помимо этого можно упомянуть несколько публикаций, внесших определенный вклад в дело структурирования теории: например, специальный выпуск чешского музейного журнала «Музеологические листы» («Muzeologicke sesity»), опубликованный в 1983 г. по случаю 100-летия знаменитого выступления И. Г. Т. фон Грассе (о нем см. ниже). Было подсчитано, что вплоть до начала 1980-х гг. в свет вышло как минимум шесть сотен публикаций, так или иначе связанных с определением сущности музеологии. Причем большая их часть появилась в странах социалистического лагеря: в Центральной и Восточной Европе (Razgon в Grampp et al. 1988: 28)¹.

Уже в 1883 г. И. Г. Т. фон Грассе утверждал в своем «Журнале по музеологии и антиквароведению, а равно по родственным им наукам» («Zeitschrift für Museologie und Antiquitätenkunde sowie verwandte Wissenschaften»): «Если бы кто-нибудь еще лет тридцать или даже двадцать назад сказал или написал о том, что музеология является самостоятельным направлением науки, единственным ответом на его слова со стороны множества людей была бы усмешка, выражающая или сочувствие или презрение» (рис. 1)². Иными словами, музеология, по мнению ученого, к этому моменту уже достигла статуса независимой научной дисциплины. Тем не менее, и более чем сто лет спустя многие музейные работники все еще отказываются принимать идею о том, что музеология является чем-то большим, чем набором практических умений и навыков. Одной из основных причин такого скепсиса относительно определения автономного статуса музеологии как научной дисциплины, является ее тесная связь, с одной стороны, с областью музейной работы, а, с другой, с профильными дисциплинами, определяемыми спецификой конкретных музейных коллекций. Под профильными дисциплинами, как правило, пони-

¹ В целом, мысль А. М. Разгона сводится к тому, что развитию музеологии способствовали в основном ученые из Восточной Европы: «В рамках социалистического лагеря совместные усилия музеологов привели к таким результатам, которые значительно превосходят все, что было достигнуто в предшествующий период».

² Хотя статья была опубликована анонимно, общепризнано, что автором ее был издатель журнала И. Г. Т. фон Грассе. Общую характеристику журнала и информацию об авторе статьи см.: Ennenbach 1982.

мают такие научные дисциплины, которые используют предметы музейных коллекций в качестве источников, — то есть искусствоведение, антропологию, естественную историю и так далее. Несмотря на тесную связь между инициируемой обществом охраной своего наследия и профильными дисциплинами, можно утверждать, что развитие этих охранительных тенденций и их институционализация определяются не столько потребностями научных исследований, сколько осознанием потребности в таких институциях (в самом широком смысле этого слова) в самом обществе (Davallon 1993, Möbius 1986).

Рис. 1. «Журнал по музеологии и антиковедению»

что историю музеологии можно описать как процесс постепенной эмансипации, включающий разрыв музеологии с профильными дисциплинами и формирование ею собственной когнитивной ориентации и методологии. Чешский музеолог Збынек Странский выделил три стадии этого процесса: до-научную, эмпирически-описательную и теоретико-синтетическую (Stránský 1980: 71), или, иными словами, стадию формирования, стадию унификации и синтеза и стадию зрелости. С 1960-х гг. сам Странский был одной из ключевых фигур в деле утверждения теоретико-синтетической стадии.

Неслучайно процесс эмансипации музеологии как академической дисциплины оказался связанным с процессом профессионализации музейной работы. Этот последний зачастую описывают как «серию революций». Термин «музейная революция» впервые был использован Дунканом Камероном для характеристики радикальных изменений, произошедших в музейной жизни США 1950–1960-х гг. (Cameron 1970). В 1983 г. в своей статье для 9 выпуска «Музеологических листов» («Muzeologicke sesity») югославский музеолог Антун Бауэр выделил 2 музейные революции³. По его мнению, первая произошла после публикации в Париже в 1931 г. сборника «Музеи» («Musées»), основанного на исследованиях 41 ведущего музейного специалиста. Эта публикация во многом определила профессиональную перспективу первого международного конгресса музейных работников в Мадриде в 1934 г. Вторая музейная революция, по Бауэру, была связана с тем влиянием, которое оказала на музейную деятельность студенческая революция 1968 г. (Bauer 1983).

³ Бразильский музеолог Вальдиса Руссио выделяет пять стадий развития музеологии как академической дисциплины (Russio 1989). Первая стадия – создание Александрийского музейона; вторая связана с Ренессансом; третья – период Просвещения и Романтизма; четвертая (датируемая не вполне четко, вероятно ок. 1900 г.) связана с признанием необходимости профессионализации и специализации музейного дела, причиной чего стало появление новой публики, сформированной под влиянием урбанизации, индустриализации и модернизации. Пятая стадия приходится на современность и характеризуется новыми размышлениями на тему социальной ответственности музеев, актуальными в свете мировых катастроф последнего времени.

Пред-парадигматическая стадия музеологии

Появление термина «музеология» и связанного с ним термина «музеография» не слишком хорошо документированы. В то время как термин «музеология» появился, судя по всему, во второй половине XIX в., термин «музеография» использовался уже в начале XVIII столетия. Любопытно отметить, что оба термина, кажется, появляются в Германии⁴. Термин «музеография» мы впервые находим в работе Каспара Найкеля «Музеография, или руководство к правильному пониманию и полезному учреждению музеума или раритеткамеры» («*Museographia oder Anleitung zum rechten Begriff und nutzlicher Anlegung der Museorum oder Raritätenkammern*») (1727 г.) (рис. 2). Под музеографией здесь понималось осознание специфики музея и приемы его создания. Первое упоминание термина «музеология» содержится в труде Ф. Л. Мартина «Практика естественной истории» («*Praxis der Naturgeschichte*») (1869 г.). Во второй части книги (озаглавленной – «Дермопластика и музеология») музеология определяется как экспонирование и сохранение коллекций натуралий.

Оба термина появляются в контексте первых пособий по музейной работе, и этот факт свидетельствует о том, что

Рис. 2. К. Найкель «Музеография»

методологии профильных дисциплин не могли автоматически дать ответы на те вопросы, которые возникали в связи с проблемами собирания коллекций, методов их консервации, учета, хранения, экспонирования и так далее. Тем не менее, теория и практика музейной работы, как правило, рассматривались в качестве подчиненных профильным дисциплинам и развивающихся из них. В этом смысле, музеология, – даже тогда, когда уже никто не сомневался в ее научном статусу, – рассматривалась в качестве прикладной науки⁵. Таких взглядов придерживался и Найкель и даже, несмотря на его смелые заявления, фон Грассе. Концептуальные рамки профильной дисциплины воспринимались как вполне достаточные для музейной работы; музеологии как таковой собственные концептуальные рамки были не нужны. Поэтому-то Странский и называет этот этап «до-научной» стадией развития музеологии как академической дисциплины. Другие авторы предлагают для этой фазы формирования такие определения, как «музейно-практическая стадия» (Tsuruta 1980: 47),

⁴ Согласно французским словарям, термин «*muséologie*» появляется не ранее 1931 г. Английские музейные деятели, кажется, стараются избегать их использования. Исключение – работа Дэвида Мюррея «Музеи, их история и использование» («*Museums, their history and their use*») (1904 г.).

⁵ В этом отношении В. Глузинский говорит о «музеологическом сциентизме» (также именуемом «институционально-инструментальным подходом») как «об особом отношении музеологов, которые видят в музее вспомогательный инструмент науки, что блокирует собственно музеологическую точку зрения и успешно отвлекает их внимание от основополагающей проблемы сущности музея» (Gluzinski 1980: 439).

или «имплицитная ступень» (Jahn 1979: 270). В терминах Т. Куна мы могли бы описать эту фазу как «пред-парадигматическую» стадию музеологии (Kuhn 1976).

Первая музейная революция

Тенденция к профессионализации музейной работы, начавшаяся еще в конце XIX в., – одним из первых признаков которой был издаваемый фон Грассе журнал, – постепенно способствовала осознанию того, что множество практических проблем является общим для всех видов музеев. Начали появляться новые концепции, связанные с четко выраженной образовательной направленностью в деятельности музеев. Это новое течение в музеологии получило наименование «движения за музейную модернизацию» (Carle & Metzener 1991)⁶.

Движение за музейную модернизацию, вне зависимости от того, использовало оно или нет термин «музеология» для определения соответствующего расширяющегося академического поля, способствовало осуществлению многих мероприятий, которые внесли свой вклад в формирование общей музейной парадигмы. Публиковались учебники и создавались учебные курсы. Было основано несколько профессиональных ассоциаций и специализированных журналов. Первая подобная ассоциация была создана в 1889 г. в Великобритании («Музейная ассоциация»), следом за ней в 1906 г. была учреждена Американская ассоциация музеев. В 1901 г. Музейная ассоциация начала издавать «Музейный журнал» («Museum Journal»), – первый национальный журнал, посвященный непосредственно музеям. В 1908 г. в Пенсильванском музее (Филадельфия) была запущена и первая соответствующая образовательная программа. Музеология постепенно начала признаваться отдельной областью со своей собственной идентичностью. В виде «museum studies» или «Museumkunde» музеология вступила в эмпирически-описательную стадию развития. Стадию «унификации и синтеза» называют также «музеографической стадией» (Tsuruta 1980) или «ступенью эмансипации» (Jahn 1979).

Подход к музейной работе постепенно менялся с мультидисциплинарного на междисциплинарный, но всеобъемлющих музеологических теории и методологии выработано все же еще не было. Показательно, что, например, в США музейные образовательные программы почти всегда назывались «museum studies programs», а не «museology programs». Термина «музеология» старались избегать, так как эти курсы сами были разработаны еще на эмпирически-описательном уровне (Malt 1987). Возможно по тем же причинам французские авторы термину «muséologie» предпочитали термин «muséographi». В любом случае, на первой генеральной конференции ИКОМ (1948 г.) президент совета Жорж Салль отметил, что одним из основных изменений, связанных с созданием ИКОМ, стало то, что музеология («la mission muséographique») все чаще рассматривается в качестве фактора, объединяющего музейную работу.

Вторая музейная революция

На протяжении 1960-х гг. неоднократно предпринимались попытки дать определение музеологии как науке и утвердить ее в качестве академической дисциплины, преподаваемой в университетах. Неслучайно этот (новый) интерес к музеологии был (вновь) связан с «революцией в музейной деятельности»⁷. Эта революция, в свою очередь, была

⁶ Ср. четвертую стадию развития музеологии в периодизации В. Руссио.

⁷ Это же движение приобрело значительное влияние в Европе в 1970 – 1980-е гг. К нему восходят

связана с признанием за музеями особой социальной (образовательной) роли. В каталоге выставки «От готики к ампиру», организованной амстердамским Рейксмузеумом в 1957 г., Ж. Герин, главный куратор Музея декоративного искусства (Париж), писал: «Новейшая музеография основывается на записанных принципах и правилах и претендует на статус науки, которая может предложить универсальные стандарты для идеального директора музея». В число принципов «современной музеографии» (т.е. музейной практики) по Герину входили: рекреация рядом с образованием, динамическое представление предметов и гостеприимство.

На международном уровне решительный поворот в этой области произошел в 1971 г., во время девятой генеральной конференции ИКОМ, проходившей в Гренобле и Париже и посвященной теме «Музей на службе человеку: сегодня и завтра». «После того, как четверть века в центре внимания ИКОМ оставались такие традиционные функции музеев, как собирательская работа, консервация, кураторство, исследование и коммуникация, на гренобльской сессии основной упор был сделан на потенциальной роли музеев в обществе, в деле образования и культурных мероприятий, было принято, что традиционно основные функции музеев должны рассматриваться, как находящиеся «во-первых и в основных на службе всего человечества» и постоянно меняющегося общества» (Boylan 1996).

На Международном семинаре региональных музеев, проводившемся под эгидой ЮНЕСКО в 1958 г. в Рио-де-Жанейро и посвященном роли музеев в деле образования, музеология была определена как область знания, связанная с изучением целей деятельности музеев и специфики их организации. Тем самым была поддержана парадигма, развивавшаяся уже в начале XX в. Этот новый подход нашел отражение и в резолюциях, принятых на 11 генеральной ассамблее ИКОМ (= 10 генеральной конференции) в Копенгагене в 1974 г. В них говорилось о том, что музеология все еще продолжает оставаться связанной с культурной и социальной ситуацией прошлого. Резолюции призывали к трансформации музеев на основании требований, которые выдвигали сообщества, с учетом их культурной, географической, демографической ситуации. Изучение, консервация и хранение определялись как «традиционные и все еще основные функции» музеев, но в то же время отмечалось, что «условия современного мира подталкивают музеи к принятию новых обязательств и адаптации новых форм». Эти новые обязательства должны базироваться на интерпретации «культурных потребностей сообщества, вне зависимости от случайных факторов, с пониманием проблем современной личности и с уважением к свободе информации». «Насущной необходимостью» было признано «модернизировать музеологию, все еще пребывающую в социальной и культурной ситуации, принадлежащей прошлому» (Цит. по: Resolutions 1-5).

Эмансипация музеографии

Первая полная генеральная конференция ИКОМ в 1948 г. призвала к признанию и обучению технических сотрудников музеев, используя широко распространенный в то

корни французской и английской «новой музеологии» (см. четвертую главу). В проекте обобщающего трактата по музеологии этот термин использовался для описания главы, посвященной переходу «от музея-храма к музею-форуму» (ICOM News 24, 1971, (4): 21). В 1989 г. термин «музейная революция» был использован в приглашении и программе семинара по естественноисторическим музеям, организованного Стиринговским комитетом Совета Европы (Страсбург, 27 – 29 сентября 1989 г.). Использование термина отсылает к тому новому подходу, который отстаивал Д. Камерон. В том же значении этот термин использован и в работе: Renaud 1992.

время термин «музеографы» для определения многочисленных штатов: от хранителей коллекций до создателей экспозиций (Boylan 1996). На следующей генеральной конференции, в Лондоне, в качестве самостоятельной музейной профессии была признана профессия реставратора. Вслед за этим, на конференции в Мадриде (в 1953 г.) была признана необходимость иметь в музеях специалистов в области образования, обладающих педагогической квалификацией.

«Эмансипация музеографии» стала логическим следствием «революции в музейной деятельности» 1950 – 1970-х гг. В это время все большее внимание стали уделять усовершенствованию музейной практики. Примером этой тенденции может служить книга Юргена Ромедера «Методы и средства музейной работы» («Methoden und Medien der Museumsarbeit») (1977 г.). Во введении он утверждает, что, как правило, историческими музеями управляют историки, естественнонаучными – биологи, художественными – искусствоведы и так далее. Возможно, это необходимо для того, чтобы контролировать те аспекты в деятельности музея, которые непосредственно связаны с профильными дисциплинами, но явно недостаточно для того, чтобы сделать музей публичной институцией. Считая музеи в первую очередь образовательными учреждениями, Ромедер предлагает в качестве точки отсчета и системы координат для них считать науку о коммуникации.

В этом смысле, профессионализация в области музейного дела парадоксальным образом привела к развитию множества профессиональных дисциплин: консервация/реставрация и образование, регистрация (документация), дизайн экспозиций, связи с общественностью, безопасность и так далее. Концепция, сообразно которой именно куратор являлся главной фигурой теоретической музеологии (как это было предложено на конференции ИКОМ в 1965 г.) и играл решающую роль в музейной администрации, была подорвана. Это, в свою очередь, вызвало двойственную реакцию. С одной стороны, кураторы, чьи позиции оказались ослабленными из-за этого сдвига в научной перспективе, попытались найти новые теоретические обоснования для своей работы. С другой стороны, в области подготовки музеологов была предпринята попытка объединить центробежные тенденции, выработав единые для всех теоретические рамки.

Теоретическая музеология

На седьмой генеральной конференции ИКОМ (Нью-Йорк, 1965 г.), основной темой которой была подготовка музейного персонала, было решено, что необходимо развивать университетские курсы по теоретической музеологии. Тогда впервые в истории ИКОМ для конференции была выбрана какая-то одна тема. С учетом того, какую роль во время музейной революции 1960 – 1970-х гг. играли призывы к обновлению музейной деятельности, вполне понятно, что в качестве такой темы избрали именно подготовку персонала. Результатом конференции стала организованная в Брно в 1967 г. встреча экспертов в области подготовки персонала⁸. Она, в свою очередь, привела к созданию при ИКОМ в 1968 г. Международного комитета по подготовке персонала (ИКТОП/ИСТОР).

Если посмотреть на содержание докладов, представленных на конференции 1965 г., станет вполне понятным, что, несмотря на использование определения «теоретическая», музеология по-прежнему воспринималась в основном как прикладная дисциплина с эмпирически-описательным содержанием. Если сравнить их с резолюциями конферен-

⁸ Неверно охарактеризованная позднее «как первая попытка добиться признания музеологии в качестве университетской дисциплины» (Museum 32, 1980, (3): 158).

ции 1974 г., можно увидеть, что за эти десять лет концепция музеологии, представляемая ИКОМ, эволюционировала от прикладной дисциплины к независимой области знания, что было связано с изменением понимания социальной роли музейной институции. Музей из, по преимуществу, исследовательского института превратился в социально-культурное учреждение с образовательными функциями. Знаменательно, что именно в 1960-е гг. в СССР было подготовлено новое издание учебника по музейному делу (впервые опубликованного в 1955 г.), в котором появились новые теоретические главы, одна из которых была посвящена характеристике музеологии как научной дисциплины. В то же самое время музеологи из ГДР предложили заменить термин «Museumskunde» термином «Museumwissenschaft», чтобы подчеркнуть переход дисциплины на теоретически-синтетическую стадию развития. На международном уровне ИКОМ и ЮНЕСКО инициировали подготовку трактата по музеологии. На одной из первых же встреч его редакционной коллегии (в 1971 г.) в центре внимания оказалась проблема соблюдения баланса между музеологической теорией и практикой. Труд должен был стать «единой структурой, организованной в соответствии с единственной и всеобъемлющей концепцией музеологии». Судя по всему, разногласий по вопросу содержания музеологической теории у авторов не было. Однако проект так никогда и не был реализован. Кроме спора между Международным комитетом по музеологии (ИКОФОМ) и Международным комитетом по подготовке персонала (ИКТОП), его реализации мешала, очевидно, и новая для 1960 – 1970-х гг. тенденция «эмансипации музеографии». Помимо этого, под вопрос была поставлена и существующая парадигма музеологии. Очевидное единство мнений, проявленное во время встречи 1971 г., сменилось, – по крайней мере, со стороны ИКОФОМ, – противоречивым множеством соперничающих парадигм.

Уошборн против Неуступного

Хотя с метамузеологической точки зрения переход от эмпирически-описательной к теоретически-синтетической стадии развития и начался около 1970 г., музеология как самостоятельная академическая дисциплина до сих пор не получила всеобщего признания. Многие музейные работники все еще отвергают саму мысль об этом. Типичным примером, относящимся к началу переходной стадии, может служить позиция американского музейщика Уилкомба Э. Уошборна. Иронически сопоставляя с термином «музеология» понятие «бабушколология», он старался показать всю нелепость, с его точки зрения, подведения под музейную работу теоретического базиса (Washburn 1967). У. Уошборн отвергал саму идею возможности или необходимости создания особой музейной профессии и считал, что «почти полное отсутствие теоретических дискуссий по вопросу о праве музеев претендовать на профессиональный статус для своих хозяйственных навыков является доказательством бесплодности философии, обосновывающей эти претензии на профессиональный статус». В его статье не упоминается о музеологии как академической дисциплине, но совершенно понятно, что, если не может существовать такой вещи, как музейная профессия, то и для музейной теории места тоже не остается. Для У. Уошборна музейная работа не обладает собственной независимой идентичностью, – она развивается из профильных дисциплин. Как и сотрудники библиотек, сотрудники музеев обслуживают посетителей и помогают в осуществлении их желаний. Следуя примеру библиотекарей и архивистов, профессионалы музейного дела, выполняющие административные и образовательные функции, все меньше внимания уделяют тем профильным дисциплинам, за

которые они отвечают в своих музеях, и все больше – техническим приемам, с помощью которых памятники этих дисциплин сохраняются и включаются в процесс коммуникации с посетителями. Ценой этому становится пренебрежение настоящими задачами музея, – т.е. поддержкой научных исследований.

Критический настрой Уошборна определялся изменением соотношения сил внутри самих музейных организаций. Профессионалы, выполняющие административные и образовательные функции, получили контроль над частью музейного домена (т.е., произошла эмансипация музеографии). Уошборн же представлял группу ученых, напуганных таким развитием ситуации. Вполне естественно, что он отвергал представления о музеологии как самостоятельной научной дисциплине.

В то же самое время другим путем пошел чешский музеолог Иржи Неуступный. В то время как Уошборн ничего не знал о развитии музеологической мысли в Восточной Европе, Неуступный читал статьи Уошборна, опубликованные в журнале «Куратор» («Curator»). Такое однонаправленное движение информации – вполне характерно, оно во многом и определяло развитие музеологического дискурса по крайней мере до конца 1970-х гг.

И. Неуступный был одним из первых, кто поставил вопрос о статусе музеологии как академической дисциплины. Впервые его идеи были сформулированы в диссертации «Проблемы современной музеологии» (1950 г.), а затем развиты более полно в монографии «Музей и исследовательская работа» (Neustupný 1968). В конце жизни, И. Неуступный еще раз суммировал свои взгляды на статус музеологии как академической дисциплины (Neustupný 1980 и 1981).

Для начала И. Неуступный проводил тонкое различие между теорией и методологией с одной стороны и наукой с другой. Для него музеология – это теория, методология музейной работы, а не наука. Как область теории музеология обладает собственной идентичностью и даже может считаться относительно самостоятельной ветвью теоретического знания, связанного с относительно самостоятельным, хорошо определенным и важным с точки зрения культуры аспектом человеческой деятельности в музеях, но как наука музеология не обладает собственным специфическим методом исследования. Музеология, говорит Неуступный, это объединение научных дисциплин, каждая из которых содержит собственный предмет исследования. В этой связи им вводится термин «музеологические дисциплины». Каждая из «музеологических дисциплин» обладает собственным специфическим методом работы, связанным с характером той или иной ветви науки, представленной в музейной коллекции. Например, историческая музеология использует тот же метод, что и история. Однако в 1980 г. Неуступный пересмотрел свои прежние формальные возражения: «Вопрос, задаваемый некоторыми авторами, является ли музеология отдельной академической дисциплиной или нет, не слишком осмыслен в рамках современной системы знания и социологии науки. В последние десятилетия даже самые классические из академических дисциплин серьезно менялись, перегруппировывались и расширяли свое содержание. Следствием этого стало то, что такие термины как «теория» и «научная дисциплина» превратились в синонимы. В отношении музеологии важно то, что она реально существует как дисциплина, вне зависимости от тех суждений, которые отказывают ей в праве на существование или же наоборот признают за ней таковое».

В отличие от Уошборна Неуступный признавал музеологию научной дисциплиной, хотя и не сумел определить ее когнитивную ориентацию. Музеология рассматривалась им

в качестве совокупности различных теорий и методологий. Решительный шаг к оформлению теоретически-синтетической ориентации в музеологии после работ Неуступного был сделан в трудах Збынека Странского.

Смена перспективы

Историческое развитие музеологического направления в рамках музейной сферы может быть описано как глобальная смена перспективы от «специальной музеологии» (т.е. музеологии, рассматриваемой с точки зрения профильных дисциплин) к «прикладной музеологии» (т.е. музеологии, рассматриваемой с точки зрения технических дисциплин) и, наконец, к «теоретической музеологии» (т.е. музеологии, рассматриваемой уже в качестве самостоятельной академической дисциплины). Такое направление развития предполагает постепенное уменьшение профильного содержания в музейной теории.

Международный комитет по музеологии (ИКОФОМ), созданный при ИКОМ в 1976 г., играл ключевую роль в деле признания за музеологией статуса науки. Однако даже если большинство авторов и признает возможность теоретически-синтетической музеологии как таковой, они все равно считают, что переход от эмпирически-описательной к теоретически-синтетической стадии науки все еще не завершился. В этом смысле, В. Глузинский, например, различает музеологию реальную и постулируемую (Gluzinski 1983). Реальная музеология – музеология на современном этапе развития (эмпирически-описательном), все еще не ставшая независимой научной дисциплиной. Постулируемая музеология – музеология будущего теоретически-синтетического этапа, которая, в конце концов, сформируется из современных теоретических дискуссий. Главная помеха в переходе от одной стадии развития к другой заключается в отсутствии общепринятой обобщающей парадигмы, которая бы удовлетворяла современным нуждам и теории и практики. «Эмансипация музеологии» и фрагментация музейных профессий нанесли серьезный удар существующей парадигме. Новые парадигмы появляются, но ни одна из них еще не достигла статуса школы.

При том, что переход на теоретически-синтетическую стадию развития музеологии все еще не стал общепризнанным фактом, некоторые теоретики спешат возвестить о начале новой, математической стадии. Предпринимаются попытки приложить к музеологическим феноменам модели, заимствованные из математики. Возможно, самой интересной из них стала попытка М. Томпсона описать с помощью теории катастроф Р. Тома биографию артефактов (Thompson 1979). Другие связаны с изучением поведения музейной аудитории (Cialdea 1988), качеством коллекций (предпринятый «the Arts & Auction» анализ американских корпоративных коллекций), степенью музеальности (Suler 1981) и ростом коллекций (Van Mensch 1989). Все они своей целью имеют не только развитие описательных моделей, но и определенные элементы прогностической практики.

Сомнения и критика

Польский музеолог Войцех Глузинский отметил необходимость прояснения концептуальной составляющей споров. Музеология не может быть одновременно и наукой о какой-то конкретной области деятельности и самой этой областью деятельности. По его мнению, музейный сотрудник не практикует музеологию как науку в том смысле, как, например, практикует историю историк. Музейный работник, по мнению Глузинского, практикует или какую-то отличную от музеологии науку, или же осуществляет практиче-

скую деятельность, основанную на знании музеологии (Gluzinski 1983). Эта точка зрения совпадает с разделением музеографии и музеологии как, соответственно, практики и теории музейной работы.

Даже если мы примем точку зрения Глузинского и будем использовать термин музеология для обозначения лишь теоретической составляющей интересующей нас области, это едва ли поможет нам избежать противоречивого разнообразия подходов к проблеме. Среди музеологов нет единства мнений относительно содержания и идентичности их дисциплины. Различные подходы все еще не выкристаллизовались в школы. По мнению Авраама Разгона не стоит беспокоиться из-за отсутствия общепризнанного определения музеологии. В своем выступлении на первом симпозиуме ИКОФОМ (1978 г.) он отметил, что подобные же проблемы стоят и перед множеством других научных дисциплин (таких, как философия, социология, этнография, историческая география, кибернетика, экология). Тем не менее, несмотря на вопрос Неуступного, – заданный им еще за 10 лет до заявления Разгона, – о том, так ли уж необходимо выяснять является ли музеология научной дисциплиной или нет, – проблема профессиональной идентичности по-прежнему продолжает волновать многих музеологов (Neustupný 1968).

Несмотря на убедительные слова Разгона и риторический вопрос Неуступного, среди определенной группы музеологов все еще очень сильно желание видеть музеологию признанной наукой, принятой академическим миром. Как предполагает Джудит Шпильбауер, побудительным мотивом здесь может быть и то, что, если музеология получит место в университетах, для музеологов это будет означать престиж, поддержку и определенное положение среди музейных профессий и в обществе в целом (Spielbauer 1981). В этом смысле есть тесная связь между попытками утвердить музейную работу как особую профессию в таких странах, как США, и попытками утвердить музеологию как самостоятельную науку в странах бывшего социалистического лагеря. Ключевую роль здесь играют лица, занятые в соответствующих образовательных программах. Статус музейных образовательных программ очень сильно зависит от того, в какой степени музейная работа рассматривается в качестве профессии и от того, в какой степени музеология признается более или менее самостоятельной научной дисциплиной. В то же время, для того, чтобы преподавать музеологию, необходимы определенные концептуальные рамки и ясная терминология.

Обращение к специальной литературе, в первую очередь, к «Рабочим бумагам по музеологии» («Museological Working Papers») и «Серии исследований» («Study Series»), издаваемым ИКОФОМ, показывает нам стандартный набор повторяющихся вопросов: является ли музеология научной дисциплиной? Если да, то каковы ее предмет, цели и методология? Многие авторы отмечают, что для проведения плодотворной дискуссии необходимо проанализировать и классифицировать все множество существующих по этому вопросу суждений. Безусловно, этот шаг необходим, даже если кому-то он и кажется излишним. При этом определенные сомнения вызывает несколько излишне оптимистичный взгляд на проблему, сформулированный Томиславом Шолой, отметившим, что «...одно совершенно понятно: когда-нибудь в будущем отдельные умозаключения и предположения сложатся в компактную систему ...» (Sola 1984).

Отсутствие такого единства мнений Йозеф Бенеш объяснял тремя причинами (Beneš 1981). Во-первых, музейная работа связана с множеством различных видов документов (предметов), принадлежащих, по крайней мере, к 20 различным наукам. Это, возможно,

главная причина того, что работа библиотек и архивов достигла относительно большей степени концептуализации, чем работа музеев. Во-вторых, большинство музейных работников имеют тенденцию полностью концентрировать внимание лишь на своем конкретном участке работы. Чаще всего специалисты, занятые исследовательской работой, просто отрицают научный характер прочих музейных профессий. Они склонны полностью отождествлять себя с профильной дисциплиной, а не со специфическими музейными обязанностями, и это усугубляет тот факт, что обычно для приема на работу в музей не требуется специальное музеологическое образование. Наконец, в-третьих, интересы музейных работников зачастую ограничены лишь тем типом музеев, в котором они работают, и не распространяются на всю область музейной деятельности. В начале 1980-х гг. Т. Зеллер провел в ряде крупнейших художественных музеев США исследование профессиональной идентичности сотрудников, чья деятельность была связана с вопросами образования. Результаты этого исследования подтверждают предположения Й. Бенеша. Оказалось, что большинство таких сотрудников считает себя в первую очередь искусствоведами, т.е. специалистами по профильной дисциплине, а не педагогами или музейными работниками (Zeller 1984).

По мнению З. Странского некоторые музейные работники боятся, что переход от эмпирической к теоретической стадии развития станет причиной разделения музеологической теории и практики самих музеев (Stránský 1981b). Примерно о том же говорят и наблюдения Й. Бенеша. Более того, как отметил со свойственной ему прямотой Дж. Э. Баркоу: «В США и в западных странах в целом мы чаще всего рассматриваем музейную работу с точки зрения ее результатов, которые можно измерить, а не с точки зрения теоретических оснований» (Burgaw 1981: 30). Для того чтобы избежать несвязанной с практикой музейной работы теории музейные работники зачастую предпочитают концентрироваться на своей профильной дисциплине, конкретном музее или категории музеев, или же на каком-либо техническом аспекте своей деятельности. С другой стороны, Кеннет Хадсон еще в одной из своих ранних работ отмечал, что специфика музейной/музеологической ситуации заключается в том, что ее интересы противоположны интересам профильной дисциплины: «Музей ... извлекает картину или статую из их контекста и заставляет нас видеть в них некую абстрактную идею, произведение искусства, требует для этого нового отношения, специальной подготовки и особого словаря» (Hudson 1977: 11-12).

То упорство, с которым кураторы пытаются определить музеологию в качестве прикладной дисциплины, отчасти может объясняться структурой музейного дела, и, в особенности, организационной структурой самих музеев. У музейных кураторов есть все основания пытаться сохранить сложившийся status quo. Они противятся новым парадигмам, так как те могут означать угрозу для существующего баланса сил. Их реакция на деятельность ИКОФОМ зачастую враждебна. Даже внутри самого комитета высказывались сомнения в применимости теоретических и метатеоретических рассуждений. Как писал один из противников этого направления: «Нам следует прекратить так беспокоиться об определении музеологии. Для некоторых музеологов, кажется, стало настоящим хобби все время искать для нее подходящие дефиниции и окутывать абстрактными и даже метафизическими коннотациями. Они попросту зря тратят время. Музеология – всего лишь инструмент для того, чтобы хорошо организовать работу музея и хорошо им управлять» (Nair 1986: 227).

В этом отношении некоторые авторы, как, например, Т. Шола, используют в качестве подходящей метафоры положение религии: «... мы все еще находимся в худшем поло-

жени, чем была католическая церковь со всеми своими папами и расколами в XIV в. У нас есть определенный свод канонических законов и некоторые литургические правила (то есть музеография, которую мы честолюбиво называем музеологией), но нет собственной теологии: будь нашим богом музейный предмет, или же сам музей, этот бог все еще не более чем золотой телец ... Мы уже получили несколько важных открытий, но у нас все еще нет собственной библии» (Sola 1992: 16). Примерно теми же самыми метафорами пользуется и Хадсон для того, чтобы объяснить свое негативное отношение к обобщающей теории музейной работы: «У каждой профессии есть собственная теология и собственные методы борьбы с еретиками. Лично я не доверяю ни одной теологии» (Hudson 1989: 188). Тем не менее, музеология рассылает своих апостолов, чтобы они несли ее слово миру (Sofka в Auer et al. 1989), но акцент, который они делают на необходимости теории, зачастую носит оборонительный характер. «Мы ошибаемся, когда думаем, что теория, которая служит практике, должна быть теорией практики ... Это не теория практики, но теория реальности, лежащей в пределах досягаемости практики ...» (Gluzinski 1987: 116). Рядом с этим высказыванием Глузинского можно поставить и слова Д. Баркоу о том, что «теория и ее применение могут расти с разной скоростью. В прошлом музей вырвался вперед. При определенных условиях и для определенных музейных работников сейчас верным является обратное утверждение. Но такой рост порознь еще не означает развода. Он может значить лишь то, что отстающему просто надо ускориться» (Burgaw 1983: 23). Примерно о том же пишет и Глузинский: «Кажется, что музеология не может справиться с новшествами последнего времени. Однако причины этого кризиса не во внутренних закономерностях развития самой музеологии, как могло бы случиться со старыми, классическими дисциплинами, но во внешних обстоятельствах, от нее не зависящих. Он указывает нам на то, что внутри самой музеологии нет механизма, который мог бы скорректировать ее развитие и придать ему дополнительный стимул» (Gluzinski 1987: 118).

Теория и практика

У музеологической практики может быть самостоятельное развитие. Определять его могут различные факторы:

- Социальное (социально-экономическое, социально-культурное, социально-политическое) развитие вне музеологического пространства;
- Научный прогресс в области изучения материальной культуры, естественной истории, искусства и так далее;
- Развитие в области менеджмента, маркетинга, образования и так далее;
- Влияние музейных сотрудников с немuseumной подготовкой;
- Общая креативность, проявляемая людьми.

Какова будет здесь роль теории? В. Бедкар дает очень полезное описание полярности «теория-практика» (Bedekar 1987: 51-52). С его точки зрения музеология связана с музеями тремя способами. Во-первых, через инициативу, которую сами музеи принимают для того, чтобы решать свои профессиональные проблемы креативно или, по крайней мере, с использованием каких-нибудь новаций. Во-вторых, музеология может генерировать идеи, концепции, навыки, методы и техники, которые музеям следует брать на вооружение. В-третьих, музеология способствует повышению эффективности и дей-

ственности музеев, когда в специальных музеологических центрах передает результаты исследований и наблюдений студентам, готовым претворить свои идеи в планы и проекты и, тем самым, усовершенствовать работу современных музеев.

Чтобы стать академической дисциплиной и основой музейной деятельности музеологии следует достичь структурного единства и объединить все многообразие подходов, которое будет описано в следующих главах. Как таковая, музеология может способствовать развитию музейного дела следующими способами:

- Став своеобразным информационным центром новых идей и практик;
- Предлагая обобщающие принципы музейной работы;
- Предлагая базовые положения для развития государственной политики в области «управления культурными ресурсами»;
- Предлагая теоретические основы для учебных планов соответствующих образовательных курсов;
- Предлагая теоретические рамки для развития исследовательских программ.

В. Глузинский предложил общую модель преодоления дисфункционального разделения между теоретиками и практиками. Начинается она с трех параметров: музеологии (дискурс Реальной Музеологии), обучения (дискурс обучения), музея (деятельность музеев). Развитие музеологических знаний обогащает образовательный процесс и, тем самым, опосредованно влияет на улучшение практической деятельности музеев, которая, в свою очередь, находит отражение в дискурсе РМ, и после этого цикл повторяется. Эта модель подчеркивает особую роль участников образовательных программ. Сам же «цикл», однако, имеет не одностороннюю направленность. Музеология как теория может способствовать развитию практики многими способами.

Логичное обоснование развития музеологии как академической (теоретической) дисциплины заключается в связи между теорией и образовательным процессом. Концептуализация, структурирование и унификация терминологии – побочные продукты образовательного процесса. То, в какой степени теория и образование определяют развитие практической деятельности, зависит от того, в какой степени получит признание сама музейная профессия. Некоторые проблемы в этой области уже упоминались выше. Кроме того, следует отметить, что музейная профессия не является профессией закрытой. Предварительное обучение не обязательно, а зачастую даже рассматривается в качестве помехи (см. главу 8). Будущее музеологии как академической дисциплины коренится в связи теории и практики, то есть в возможности теоретиков участвовать в важных дискуссиях. Один из возможных вариантов может заключаться в предоставлении необходимой «критической объективности» (Sola 1992: 11), которая бы дала возможность музейным работникам преодолеть перспективы и профильных и «музеологических дисциплин».

Критерии

В 1965 г. З. Странский первым попытался свести воедино различные точки зрения, бытующие среди музейных работников, относительно того, может ли музеология считаться настоящей академической дисциплиной (Stránský 1966). Через десять лет (в 1975 г.) Вилли Тофт Йенсен провел еще один опрос на ту же тему. Результаты его были опубликованы пять лет спустя в первом выпуске «Museological Working Papers» (1980 г.). Итоги двух этих

исследований оказались весьма схожими. На основании этих результатов можно выделить три основных подхода к проблеме:

- Музеология – это самостоятельная наука;
- Музеология – это прикладная наука, использующая теорию и методологию профильных дисциплин;
- Музеология не является научной дисциплиной.

Йенсен не указывает количество ответов, полученных во время опроса. Большинство авторов, принявших участие в подготовке первых двух выпусков «*Museological Working Papers*», на вопрос «является ли музеология наукой?» отвечали утвердительно, или, по крайней мере, считали, что музеология находится на пути превращения в науку. Только несколько человек придерживались мнения, что это скорее область конкретной деятельности, чем изучения. Когда в 1990 г. подобный опрос был проведен на конференции в Лестере, выяснилось, что 90 % участников конференции считает музеологию самостоятельной дисциплиной, и только 4 % полагает, что музеология как наука не имеет никакого смысла. Кажется, что на протяжении 1980-х гг. произошло постепенное признание музеологии в качестве академической дисциплины.

Странский перечисляет три основных критерия, на основании которых мы можем отнести музеологию к разряду самостоятельных академических дисциплин: историчность, внутренняя логика научного познания и объективная социальная необходимость в существовании такой науки (Stránský, неопубликованная работа 1989 г.). Что касается первого критерия, то такие ученые, как Энненбах, Глужинский, Неуступный, Шрайнер и сам Странский приложили много усилий, дабы продемонстрировать развитие музеологической мысли, начиная с XVI в. и вплоть до наших дней. Первыми теоретиками музеологии могут считаться Самуэль фон Квикхеберг (опубликовавший в 1565 г. книгу об организации коллекций под названием «Заголовки или заглавия обширнейшего театра» («*Inscriptiones vel tituli theatri amplissimi, complectentis rerum universitatis singulias materias et imagines eximias*»)) или же Иоганн Давид Майор (опубликовавший сходную работу под заглавием «Непредвосхищенные мысли о кунсткамерах и натуралиенкамерах» («*Unvorgreifliches Bedencken von Kunst- und Naturalien-Kammern insgemein*»)) в 1674 г.). Помимо этого Энненбах указал на тот вклад, который внесли в развитие музеологии такие философы, как Я. А. Коменский, И. Лейбниц и И. В. Гете (Ennenbach 1983). По общему мнению, по крайней мере, критерию историчности музеология полностью отвечает. Что касается проблемы внутренней логики, то здесь Странский предлагает пять вопросов, на которые следует дать ответы (Stránský loc.cit.):

- Обладает ли музеология особым предметом познания?
- Обладает ли музеология собственным научным языком?
- Обладает ли музеология собственными методами?
- Обладает ли музеология собственной научной системой?
- Может ли музеология быть включена в существующую систему наук?

Это на самом деле краеугольные камни в основании любой научной парадигмы. Они формируют саму идентичность науки. Переход от эмпирически-описательной к теоретически-синтетической стадии развития музеологии, происходящий в настоящее время, напрямую связан с различными попытками создать новую парадигму науки на основании тех ответов, которые могут быть предложены на перечисленные выше пять вопросов⁹.

⁹ Дискуссия об особой когнитивной ориентации музеологии будет рассмотрена ниже, в главе 3. Помимо этого, следует обратить внимание и на различное понимание целей музеологического

Применительно же к проблеме социальной необходимости такие авторы, как Ян и Странский отмечают, что самым важным критерием того, следует ли считать музеологию настоящей наукой, является *потребность* в предлагаемом ею научном знании. В рамках марксистско-ленинской философии именно этот аспект является важнейшим, особенно, если учесть, что для этой философии общественные потребности могут быть объективно фиксированы. В западной литературе социальная востребованность науки приобретает несколько иную форму. Здесь в фокусе внимания, скорее, оказывается социальная важность музеологической практики, а не теории. Важность теории связана с необходимостью самой профессии. В этом отношении можно говорить о том, что признание за музеологией прав научной дисциплины самими музейщиками является обязательным условием, *conditio sine qua non*. При этом, однако, они должны не только признавать за теорией право на существование, но и усваивать определенные теоретические положения, а также иметь желание применять их на практике.

Новые академические дисциплины появляются на свет не из заявлений и прокламаций. Они развиваются из конкретной практической деятельности, которая является реакцией на потребности развивающегося общества. Само их право на существование и признание этого права другими зависят от их внутреннего единства, структурированности и методологии. Несмотря на довольно циничное, а зачастую и откровенно враждебное, отношение со стороны некоторых музейных работников, музеология получила широкое признание как самостоятельная область знания с собственными характерными чертами. Черты эти в основном зависят от потребностей той профессиональной сферы, которую музеология призвана обслуживать. Неслучайным кажется, что наиболее весомый вклад в развитие музеологии вносят те, кто напрямую связан с образовательным процессом, так как именно профессиональное образование больше всего выигрывает от развития теоретических представлений. Не менее показательным можно считать и тот факт, что до сих пор не существует ни одного учебника (по крайней мере, на английском языке), который бы учитывал это представление о музеологии как самостоятельной науке. Это ясно указывает на то, что переход от «прото-науки» к «нормальной науке» для музеологии все еще не завершен. Старая парадигма развития, в центре которой находился сам музей, была адекватной лишь только для того, чтобы заявить о возможности подобной науки и предложить ряд частных мер для решения конкретных проблем, возникающих в ходе практической деятельности. Для Куна определяющим является ответ на вопрос: может ли наука решать возникающие перед ней головоломки? Этот фактор возник в музеологии (потеснив ориентированные на музейные предметы профильные исследования) под влиянием других научных дисциплин, которые сами начали проявлять интерес к музеям, как к потенциальным объектам исследования. В этом смысле развитие музеологии как научной дисциплины отчасти является попыткой переутвердить весь комплекс проблем, связанных с музейным миром, в качестве объекта исследования самого музейного мира.

Информация о главе

Автор: Петер ван Менш – Ph.D., профессор, директор международной магистерской программы по музеологии Академии Рейнварта (1998 – 2001, 2005 – 2010 гг.), президент Международного комитета по музеологии Международного совета музеев (1989 – 1993 гг.), Амстердам, Нидерланды, peter@menschmuseology.com

познания (глава 4). Научной структуре, т.е. системе музеологии как науки, будет посвящена глава 5. Различные аспекты методологии, в контексте разграничения музеологии и профильных дисциплин, обсуждаются в главе 6. А вопросы научного языка музеологии – в главе 7.

Заглавие: Дискурс музеологии.

Абстракт: Начиная с 1960-х гг. попытки критически рассмотреть теорию музеологии предпринимались неоднократно. Зачастую они были связаны с определением текущего статуса музеологии как академической дисциплины. Тем не менее, многие музейные работники все еще отказываются принимать идею о том, что музеология является чем-то большим, чем набором практических умений и навыков. Одной из основных причин такого скепсиса относительно определения автономного статуса музеологии как научной дисциплины, является ее тесная связь, с одной стороны, с областью музейной работы, а, с другой, с профильными дисциплинами, определяемыми спецификой конкретных музейных коллекций. Представляется, что историю музеологии можно описать как процесс постепенной эмансипации, включающий разрыв музеологии с профильными дисциплинами и формирование ею собственной когнитивной ориентации и методологии. Чешский музеолог Збынек Странский выделил три стадии этого процесса: до-научную, эмпирически-описательную и теоретико-синтетическую. В данной главе анализируются три этих стадии развития музеологии.

Ключевые слова: музей, музейная революция, музеология, наука, З. Странский.

Information on chapter

Author: Peter van Mensch – Ph.D., Professor, Director of the International Master Degree Programme in Museology at the Reinwardt Academy (1998 – 2001, 2005 – 2010), President of the ICOM International Committee for Museology (1989 – 1993), Amsterdam, Netherlands, peter@menschmuseology.com

Title: The museology discourse.

Abstract: Since the 1960s several attempts have been made to take stock of museological theory, often in order to assess the current status of museology as academic discipline. Nevertheless, after more than hundred years many workers in the museum field still reluctantly accept the idea of museology as something more than a series of practical activities. One of the main doubts regarding the profile of museology as an autonomous academic discipline concerns the relationship between museology as a discipline typically related to the field of museums at the one hand and the collection-related subject-matter disciplines at the other. It seems that the history of museology can be described as an emancipation process involving the breaking away of museology from the subject-matter disciplines and the profiling of its own cognitive orientation and methodology. This process has been described by the Czech museologist Zbynek Stránský as a three stage development: pre-scientific, empirical-descriptive, and theoretical-synthetic. This chapter devoted to the description of this process.

Key words: academic discipline, museum, museum revolution, museology, Z. Stránský.

Использованная литература

- Agren, P.U. (1992) 'Museology - a new branch of humanities in Sweden?', *Papers in museology 1/Acta Universitatis Umensis* 108 (Stockholm) 104-113.
- Auer, H. ed. (1989) *Museologie; neue Wege - neue Ziele. Berichte über ein internationales Symposium, veranstaltet von den ICOM-Nationalkomitees der Bundesrepublik Deutschland, Österreichs und der Schweiz vom 11. bis 14. Mai 1988 am Bodensee (München)*.
- Bauer, A. (1983) '[Mezinárodní anketa]', *Muzeologické sesity* (9): 9-17.
- Bedekar, V.H. (1987) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and museums. ICOFOM Study Series 12* (Stockholm) 51-54.
- Beneš, J. (1981) 'K ujasnemi predmetu muzeologie', *Muzeologicke sesity* (8): 131-140.
- Boylan, P.J. (1996) 'ICOM at fifty', *Museum* (149) = 48 (3):47-50.
- Burcaw, G.E. (1981) 'Interdisciplinarity in museology', *Museological Working Papers 2* (Stockholm) 29-30.
- Burcaw, G.E. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training. ICOFOM Study Series 1* (Stockholm) 10-23.
- Cameron, D. (1970) 'Museums and the world of today. Museum reform in the 1950s and 1960s', *ICOM News* 23 (2): 41-45.
- Carle, P. & M. Metzner (1991) 'Lionel E. Judah and museum studies in Canada', *Muse* 8 (4): 71-74.
- Cialdea, R. (1988) 'On theoretical museology', *Museological News* (11): 199-212.
- Davallon, J. (1993) 'Introduction. Le public au centre de l'évolution du musée', *Public & Musées* (2): 10-15.
- Dyroff, H.D. ed. (1973) *Museologie. Bericht über ein internationales Symposium, veranstaltet vom Deutschen Nationalkomitee des Internationalen Museumrates (ICOM) in Zusammenarbeit mit der Deutschen UNESCO-Kommission vom 8. bis 13. März 1971 in München. Seminarbericht der Deutschen UNESCO-Kommission 18* (Köln-München).

- Ennenbach, W. (1982) 'Ueber die erste Zeitschrift für das Museumswesen in deutscher Sprache', *Neue Museumskunde* 25 (4): 271-274.
- Gluzinski, W. (1980) *U podstaw muzeologii* (Warszawa).
- Gluzinski, W. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training*. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm) 24-35.
- Gluzinski, W. (1987) 'Remarks on the condition of museology in the light of its relation to developmental phenomena', in: V. Sofka ed., *Museology and museums*. ICOFOM Study Series 12 (Stockholm) 109-119.
- Gramp, H.D. et al. (1988) *Museologie und Museum*. Kolloquium vom 17. bis 19. Mai 1988 in Berlin, veranstaltet vom Museum für Deutsche Geschichte Berlin und vom Staatlichen Historischen Museums Moskau. Beiträge und Mitteilungen (Museum für Deutsche Geschichte) 15 (Berlin).
- Guérin, J. (1957) 'Het Musée des Arts Décoratifs', in: Van Gothiek tot Empire (Rijksmuseum, Amsterdam) 5-12.
- Hudson, K. (1977) *Museums for the 1980s. A survey of world trends* (Paris).
- Hudson, K. (1989) 'The flipside of professionalism', *Museums Journal* 88 (4): 188-190.
- Jahn, I. (1979) 'Die Museologie als Lehr- und Forschungsdisziplin mit spezieller Berücksichtigung ihrer Funktion in naturhistorischen Museen. Geschichte, gegenwärtiger Stand und theoretische Grundlagen', *Neue Museumskunde* 23 (4): 270-279.
- Jensen, V.T. (1980) 'Museological points of view - Europe 1975', *Museological Working Papers* 1 (Stockholm) 6-10.
- Kuhn, T.S. (1976) *De structuur van wetenschappelijke revoluties* (Meppel).
- Malt, C. (1987) 'Museology and museum studies programs in the United States, Part One', *The International Journal of Museum Management and Curatorship* 6 (2): 165-172.
- Mensch, P. van (1989) 'Museums in the Netherlands: an "embarrassment of riches"', *Museum* (162): 120-123.
- Möbius, H. (1986) 'Berichte zur neueren Museumsliteratur 1', *Museumskunde* 51 (2): 104-114.
- Nair, S.M. (1986) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and identity*. ICOFOM Study Series 10 (Stockholm) 227-228.
- Neustupný, J. (1968) *Museum and research* (Prague).
- Neustupný, J. (1980) 'Museology as an academic discipline', *Museological Working Papers* 1 (Stockholm) 28-29.
- Neustupný, J. (1981) 'On the homogeneity of museology', *Museological Working Papers* 2 (Stockholm) 46-47.
- Razgon, A.W. (1978) 'Research work in museums: its possibilities and limits', in: J. Jelinek ed., *Possibilities and limits in scientific research typical for the museum* (International Committee for Museology, Brno) 20-45.
- Russio, W. (1989) 'Museu, museologia, museologos e formacao', *Revista de Museologia* 1 (1): 7-11.
- Sofka, V. (1992) 'ICOFOM: ten years of international search for the foundations of museology', *Papers in museology* 1 (Stockholm) 20-49.
- Sola, T. (1984) 'Prilog mugucj definiciji muzeologije', *Informatica Muzeologica* (67-69)/(3-4): 35-36.
- Sola, T. (1992) 'What is museology?', *Papers in museology* 1 (Stockholm) 10-19.
- Spielbauer, J. (1981) 'Museology - science or just practical museum work?', *Museological Working Papers* 2 (Stockholm) 16-18.
- Stránský, Z.Z. ed. (1966) *Sbornik materialu prveho muzeologickeho sympozia, Brno 1965* (Brno).
- Stránský, Z.Z. (1980) 'Museology - science or just practical museum work?', *Museological Working papers* 1 (Stockholm) 42-44.
- Stránský, Z.Z. (1981a) 'In memoriam Jiri Neustupny', *Museological Working papers* 2 (Stockholm) 6-7.
- Stránský, Z.Z. (1981b) 'The theory of systems and museology', *Museological Working Papers* 1 (Stockholm) 70-73.
- Suler, P. (1981) 'Muzealita - vlastnost, stav ci funkce?', *Muzeologicke sesity* (9): 141-147.
- Thompson, M. (1979) *Rubbish theory* (Oxford).
- Tsuruta, S. (1980) 'Museology - science or just practical museum work?', *Museological Working Papers* 1 (Stockholm) 47-49.
- Washburn, W.E. (1967) 'Grandmotherology and museology', *Curator* 10 (1): 43-48.
- Washburn, W.E. (1985) 'Professionalizing the Muses', *Museum News* 64 (2): 18-25, 70-71.
- Zeller, T. (1984) 'Art museum educators: art historians, curators or educators? A question of professional identity', *Curator* 27 (2): 105-123.